

**К ИСТОРИИ СЮЖЕТА ПОВЕСТИ Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА
«ВЕРНЫЙ РАБ»**

С точки зрения историка повесть Д. Н. Мамина-Сибиряка «Верный раб» не изобилует загадками. Несомненно, автор и сам был не прочь, чтобы прототипы его литературных героев легко узнавались (по меньшей мере, уральскими читателями). Впервые повесть была опубликована в 1891 г. в столичном журнале «Северный вестник». А всего двумя годами ранее по инициативе и на средства екатеринбургского городского головы И. И. Симанова был издан справочник «Город Екатеринбург», открывавшийся одноименным очерком Мамина-Сибиряка¹. Сравнение двух текстов не оставляет сомнений в том, что вымышленный город Загорье – это Екатеринбург эпохи Николая I; генерал Голубко – генерал Глинка, главный начальник горных заводов хребта Уральского в 1837–1856 гг.; купец Мирон Ожиганов – купец Аникий Резанов. В еще одном литературном купце, Тарасе Злобине, соединены черты сразу двух реальных екатеринбургских богатеев Тита Зотова и Льва Расторгуева. «Верный раб», как и опубликованная в 1889 г. повесть «Доброе старое время», появились как своеобразный «побочный продукт» работы писателя над указанным очерком.

Однако без загадки все же не обошлось. В записной книжке Д. Н. Мамина-Сибиряка (№ 3 из собрания его племянника литературоведа Б. Д. Удинцева) заглавие «Верный раб» сопровождается пометой «История жены ген. Глинки»². В самой повести рассказывается, как «грозный генерал Голубко», присланный «на Урал с чрезвычайными полномочиями», дабы «подтянуть... горное дело», женился на дочери здешнего гиттенфервальтера и позже, застав ее с любовником Смагиным, изгнал из дома. Уже в советское время свердловский врач Василий Алексеевич Ляпустин (1867–1942) уверял, что в давнем 1881 г. оказался свидетелем того, как эту историю Д. Н. Мамину-Сибиряку поведал Н. К. Чупин. При этом рассказ очевидца совпадал с содержанием повести даже в деталях, легко объяснимых писательским вымыслом, но едва ли возможных в устах Чупина³.

Наркиз Константинович Чупин (1824–1882) был протеже генерала Глинки. После окончания Казанского университета в 1850 г. он обратился к генералу с прошением о зачислении на службу и был определен «в число канцелярских чиновников Главного управления Уральских заводов». В 1852 г. начальник заводов назначил Чупина производителем дел своей канцелярии, поручив ему курировать дела школьное и архивное. В 1853 г. Глинка перевел

Чупина на должность старшего учителя и инспектора классов только что учрежденного Уральского Горного училища, тем самым задав направление всей дальнейшей деятельности выдающегося екатеринбургского историка и педагога⁴. Наконец, в 1855 г., незадолго до отъезда Глинки в Петербург, именно Чупину было доверено составить «Обзор важнейших предметов деятельности генерала Глинки в бытность его главным начальником заводов уральских»⁵. Если не по службе, то по близости к генералу Чупин, конечно же, был осведомлен о семейном положении и личной жизни начальника.

Между тем совместная жизнь Владимира Андреевича Глинки (1790–1862) и его единственной жены Ульяны Гавриловны Вишневской (1802–1884) не имела ничего общего с адюльтерным сюжетом повести. Их свадьба состоялась еще в 1818 г. и далеко от Урала – в Полтаве, где полковнику Глинке довелось служить после завершения наполеоновских войн. Скорее всего, брак был заключен по любви. Во всяком случае, меркантильными мотивами объяснить его сложно: Глинка был дворянином беспоместным, Вишневские же сообща владели полтавским имением Фарбованое, дарованным их сербскому предку императрицей Елизаветой Петровной⁶. По 8-й ревизии (1833–1835 гг.) в имении числилось 600 десятин земли и сотня душ крепостных⁷, что ставило его владельцев на грань между дворянами «малодушными» и среднепоместными.

Брак, однако, был омрачен отсутствием детей. Лишь однажды для семейной пары забрезжила надежда. «Сообщу Вам новость о серьезнейшем происшествии: чрез 22 года своего супружества жена моя сделалась беременною и в начале будущего месяца должна родить! – делился радостью генерал В. А. Глинка со своим кузеном – литератором Ф. Н. Глинкой в письме от 12 ноября 1840 г. из Екатеринбурга. – Слышали ль Вы о подобном событии? По уверению здешних медиков, это чудо сотворили наши Уральские минеральные воды, которыми жена моя пользовалась все лето прошлого года. Каковы воды нашего Каменного Рифейского хребта?»⁸ Увы, радость была преждевременна: судя по всему, беременность завершилась несчастливо. Вероятно, за этим последовало охлаждение отношений, и 16 июня 1844 г. В. А. Глинка писал в Москву супруге Ф. Н. Глинки Авдотье Павловне: «Жена моя по стечению многих обстоятельств теперь в Москве и наверно с Вами уже видывалась. Я теперь живу как монах»⁹. В Москве Ульяна Гавриловна оставалась вплоть до своей кончины и погребения на кладбище Новодевичьего монастыря¹⁰. Формального развода между супругами не было, но и реального их единения не случилось даже после завершения уральской службы мужа.

Генерала В. А. Глинку в Екатеринбурге за глаза называли не «монахом», а «соломенным вдовцом». Начальник заводов отнюдь не чурался общества вообще и женского в частности. Выходец из уральской горнозаводской среды Ал. Корельский свидетельствовал: «На балах своих Глинка был всегда крайне радушным и любезным хозяином, занимал светским разговором дам и девиц,

особенно хорошеньких, и открывал с одною из них бал, выступая молодецва-то во главе полонеза»¹¹.

Высочайшим указом по Военному ведомству от 27 октября 1856 г. генерал от артиллерии Глинка был назначен к присутствию в Правительствующем Сенате¹². Незадолго до этого, 11 сентября, по пути к месту службы в Иркутск Екатеринбург посетил врач Николай Иванович Вишняков, имевший склонность к ведению дневников и писанию мемуаров. Наряду с прочим он оставил любопытные сведения о личной жизни генерала Глинки: «Не знаю, был ли он женат, но у него была содержанка – полька, женщина лет 25-ти, красивая, ловкая, нажившая у него капитал. Он очень был к ней расположен и перед отъездом выдал ее замуж за фельдшера – поляка К. И. Нешкотного, который был со мною знаком еще в Казани, бывши студентом мед[ицинского] факультета»¹³. Вишняков изложил и некоторые подробности этого дела: «Конст[антин] Ив[анович] был красивый, лет 28 мужчина, высокого роста, статный. Часто посещая дом генерала Глинки (чтобы лечить его пиявками. – *В. Ш.*), он влюбил в себя Августу Казимировну. Старик Глинка замечал ли это – неизвестно, но верно то, что он не особенно дорожил покупною любовью, притом, имея в виду оставить свой пост на горных уральских заводах, Глинка допускал частые посещения дома своего Нешкотным, кажется, для того, чтобы выдать свою наперсницу замуж за Нешкотного. Вскоре за тем Глинка уехал из Екатеринбурга. Лошади, экипажи, мебель и пр., все подобное пошло в приданое фаворитке»¹⁴.

Возможно ли, чтобы прототипом жены генерала Голоубко послужила не Ульяна Гавриловна, а Августа Казимировна? Законная супруга жила в Екатеринбурге в начальный период уральской службы генерала Глинки. Содержанка открыто поселилась в его доме под конец этой службы. Едва ли вторая особа не затмила в памяти горожан первую. Мамин-Сибиряк, не читавший записок Вишнякова, тем не менее описывал молодую генеральшу весьма похожей на Августу Казимировну: «Ей было лет двадцать пять, но благодаря полноте она казалась старше. <...> Молодая генеральша оказалась с ноготком и быстро забрала грозного генерала в свои пухлые белые ручки... <...> Вместе с влиянием на генерала полненькая генеральша постаралась заполучить и все доходные статьи, из сего законным образом проистекавшие... Эти дела генеральша устроила с замечательной ловкостью, и “благодарность” разных добрых людей лилась на нее...»¹⁵

Однако отношения в «треугольниках» генерал Голоубко – молодая генеральша – Смагин и генерал Глинка – Августа Казимировна – Нешкотный развивались по различным сценариям. В первом случае изменница-жена была изгнана из дома, во втором содержанка фактически добровольно передана иному – более молодому мужчине. Вопрос звучит странно, и все же: зачем Мамин-Сибиряк дал волю своему авторскому вымыслу?

В 1884 г. в журнале «Новь» увидела свет повесть Н. С. Лескова «Совместители». Писатель следующим образом характеризовал нравы, царившие

в николаевскую эпоху: «Если не для чего-нибудь, то хоть для порядка или приличия, все имели дам на попечении. <...> И при этом никто почти не скрывал свои грешки, а нередко даже желали их огласки. Это давало случай в обществе подшучивать над “старыми грешниками”. О них рассказывали разные смешные анекдоты, а это делало грешникам известность и рекомендовало их как добрых и забавных вье-гарсонов»¹⁶. Когда же «старые грешники» более не находили в себе сил удовлетворять все прихоти молодых содержанок, они, «поступая в духе времени», прибегали к помощи так называемых «совместителей»: «Это тогда не только допускалось, но даже и патронировалось. Одно лишь было в условиях этикета, чтобы совместитель был человек с тактом и не ронял значения главенствующего лица или патрона»¹⁷. События в повести Лескова также развивались внутри «треугольника»: министр финансов граф Егор Францевич Канкрин (кстати, непосредственный начальник В. А. Глинки), его содержанка Марья Степановна и молодой чиновник Иван Павлович. Застигнув последнего в спальне своей пассии, граф не только не расстался с Марьей Степановной, но и дал ход карьере счастливица и даже стал посаженым отцом на их свадьбе.

Опиши Д. Н. Мамин-Сибиряк подлинную историю отношений генерала Глинки, Августы и Нешкотного, не избежать бы ему упрека в заимствовании сюжета лесковских «Совместителей», изданных семью годами ранее.

Примечания

¹ Мамин (Сибиряк) Д. Город Екатеринбург : исторический очерк // Город Екатеринбург : сб. историко-статистических и справочных сведений по городу с адресным указателем и с присоединением некоторых сведений по Екатеринбургскому уезду. Екатеринбург, 1889. С. 1–57.

² См.: Дергачев И. А. Комментарии // Мамин-Сибиряк Д. Н. Уральские рассказы : в 2 т. Т. 2. Свердловск, 1983. С. 446.

³ См.: Ляпустин В. А. Встречи, которые забыть нельзя // Воспоминания о Д. Н. Мамине-Сибиряке. Свердловск, 1936. С. 67–69.

⁴ См.: Гомельская С. З. Н. К. Чупин. Свердловск, 1982. С. 20 ; Дудырев Ф. Ф. Научная и общественно-педагогическая деятельность Н. К. Чупина : дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 1995. С. 65–66 ; Кривоногов В. Я. Материалы по истории горнозаводского Урала в личном фонде Наркиза Константиновича Чупина (1824–1882) // Социально-экономическое положение и борьба горнозаводского населения Урала в XVIII–XIX вв. Пермь, 1981. С. 103–104, 107, 110 ; Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 44. Оп. 1. Д. 692. Л. 1–3 об.

⁵ Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. 129. Оп. 1. Д. 102.

⁶ См.: Лашкевич А. Род Вишневских // Киевская старина. 1887. Т. XVIII. Май. С. 78.

⁷ ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1552. Л. 234.

⁸ Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 141. Оп. 1. Д. 215-а. Л. 1 об. – 2. Очевидно, имеются в виду Нижнесергинские минеральные воды, обстоятельно обследованные по заданию В. А. Глинки аптекарем Екатеринбургских заводов Г. Г. Гельмом в 1839 г. Сходство этих источников «с Герроугетскими минеральными водами в Йоркшире» отметил также известный шотландский геолог Родерик Мурчисон, дважды посетивший Урал в 1840–1841 гг. (Трубецкой В. С. Генерал Глинка и Нижнесергинские минеральные воды // Вестник Уральского института туризма. Екатеринбург, 2004. Вып. 3. С. 171–175).

⁹ РГАЛИ. Д. 546. Л. 2 об.

¹⁰ См.: Московский некрополь. Т. I : (А–И) / сост. В. И. Саитов, Б. Л. Модзалевский. СПб., 1907. С. 274.

¹¹ *Корельский А.* Горнозаводская служба и общественная жизнь на Урале в крепостное время // Русская старина. 1905. № 10. С. 152.

¹² РГИА. Ф. 37. Оп. 13. Д. 1044. Л. 2–3.

¹³ *Вишняков Н. И.* Записки военного врача / изд. подгот. Н. П. Матхановой. Новосибирск, 2011. С. 44.

¹⁴ Там же. С. 47.

¹⁵ *Мамин-Сибиряк Д. Н.* Уральские рассказы : в 2 т. Свердловск, 1983. Т. 2. С. 365, 371, 372.

¹⁶ *Лесков Н. С.* Собрание сочинений : в 6 т. Т. 4. М., 1973. С. 335.

¹⁷ Там же. С. 336–337.

А. П. Павленко

Екатеринбург

Н. Д. КАЛЛИСТОВ, А. П. ЛУКИН, А. Г. МАЛЫШКИН – МОРСКИЕ ОФИЦЕРЫ, ИСТОРИКИ И ПИСАТЕЛИ-МАРИНИСТЫ

Революция 1917 г. и Гражданская война оказали огромное влияние на судьбы представителей всех общественных слоев. В рамках данной работы мы рассмотрим судьбы и творчество трех морских офицеров – писателей и историков – которые в годы Первой мировой войны служили на Черноморском флоте. Это Николай Дмитриевич Каллистов, Александр Петрович Лукин и Александр Георгиевич Малышкин.

Самым старшим был Каллистов – он родился 23 апреля 1883 г.¹ Лукин был его ровесником – 21 июня 1883 г.² Малышкин – самый младший, он родился 9 марта 1892 г.³

Лукин и Каллистов были профессиональными военными. Оба в 1904 г. закончили Морской Кадетский корпус (привилегированное военно-морское учебное заведение)⁴. Иным было социальное происхождение и образование Малышкина. Его отец был крестьянином, переехавшим в город и работавшим в лавке приказчиком. Сам Малышкин окончил Пензенскую гимназию и филологический факультет Петроградского университета⁵ – типичный интеллигент-разночинец. После окончания университета в 1916 г. его призывают на военную службу и отправляют в Ораниенбаумскую школу прапорщиков по Адмиралтейству (готовила морских офицеров военного времени), которую он окончил в 1917 г.⁶

После выпуска из Морского корпуса Каллистов служил на кораблях Черноморского и Балтийского флота, а с 1912 г. перешел на службу в Морской Генеральный штаб, в военно-историческое отделение⁷. С началом Первой